

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧЬ ДЕРЖАВИНЬ.

ЧИТАЛАГАЙСКІЯ ОДЫ.

ImWerdenVerlag
München — Москва
2009

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2009.

Подготовка текста: Александр Лозицкий

Текст печатается по изданию:

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Том 3. 1866. Стр. 293-354.

Примѣчаніе.

Черезъ нѣсколько времени послѣ Пугачевскаго бунта издана была маленькая книжка (8 д. л.) въ 38 страницъ, подъ заглавіемъ: *Оды, переведенныя и сочиненные при горѣ Читалагаѣ¹* 1774 г. На заглавномъ листѣ ея не означено ни имени автора, ни когда и гдѣ она напечатана. По свидѣтельству Сопикова и Остолопова, это было въ 1777 году²; тотъ же годъ указываетъ и самъ Державинъ подъ одою *Вельможа*; Дмитріевъ говоритъ, что книжка вышла около 1776 г. изъ типографіи академіи наукъ³. Но изъ тогдашнихъ *С-петербургскихъ Вѣдомостей* оказывается, что Читалагайскія оды выпущены были въ продажу въ началѣ 1776 года. Въ Прибавленіяхъ къ № 12, 13, 14 (февраля 9, 12 и 16-го) объявлено, что онѣ продаются въ академической книжной лавкѣ, въ переплѣтѣ по 20 к., и безъ переплѣта по 15 коп.

Въ 1774 году Державинъ, бывшій тогда подпоручикомъ преображенскаго полка, командированъ былъ на Волгу для принятія мѣръ къ поимкѣ Пугачева; но въ журналь, веденномъ имъ въ это время и включенномъ впослѣдствіи въ его *Записки*, ничего не упомянуто ни объ его литературныхъ занятіяхъ въ ту эпоху, ни о горѣ Читалагаѣ. Въ диктованныхъ же имъ *Объясненіяхъ* на его стихотворенія, про оду *На смерть Бибикова* сказано, что она написана «въ саратовской губерніи при горѣ Читалагаѣ въ колоніи Шафгаузенъ», о которой не разъ говорится въ журналь Державина (*Зап. его, Рус. Вес.* стр. 67, 69, 72, 73, 86, 89, 92).

Шафгаузенъ принадлежитъ къ цѣлому ряду нѣмецкихъ колоній, основанныхъ въ началѣ царствованія Екатерины II на луговой сторонѣ Волги, въ той части волгскаго уѣзда, которая нынѣ отошла къ самарской губерніи: начинаясь въ 52 верстахъ отъ Саратова колоніею Екатеринштатъ, онѣ тянутся верстъ на 50 вверхъ по Волгѣ почти до верховья рѣки Малаго Карамана, гдѣ лежитъ колонія Шафгаузенъ, которую Державинъ поэтому и называетъ крайнею (стр. 69).

О горѣ Читалагаѣ до сихъ порь не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Было даже выражено сомнѣніе въ дѣйствительномъ ея существованіи. Находясь на мѣстахъ лѣтомъ 1862 года, мы имѣли однажды возможность удостовѣриться, что

¹ Не Читалагаѣ, какъ напечатано въ изданіяхъ Штукинскомъ (1845 г.) и Смирдинскомъ (1847 и 1851).

² Опытъ Росс. библіографіи, № 3135; Ключъ къ соч. Державина, стр. 13.

³ Москвитянинъ 1842 г., кн. I.: «Державинъ, изъ записокъ Дмитріева».

Державинъ ея не выдумалъ. Верстахъ въ 8-ми отъ колоніи Шафгаузенъ, въ степи, тянется параллельно съ Волгой цѣль песчаныхъ холмовъ, извѣстныхъ у колонистовъ подъ названіемъ Калмыцкой: горы (Kalmuckenberg), Старой горы или просто *горы*, — возвышенность, съ сѣверной стороны которой стекаетъ въ Волгу рѣчка Вертуба (у Нѣмцевъ Wattbach). Значительнѣйшій изъ этихъ холмовъ находится противъ самой колоніи Шафгаузенъ; на вершинѣ его видны до сихъ поръ слѣды четырехугольного шанца или батареи. Здѣсь-то въ Пугачевщину стояла нѣсколько времени часть артиллерійского отряда, вытребованного Державинымъ изъ Саратова. Эта холмъ, названный на одной старинной картѣ тамошняго края *Шитлагаемъ*, и есть *гора Читалагай* нашего поэта. Послѣднее имя почти уже неизвѣстно на мѣстахъ; его помнить только немногіе старожилы. Между окрестными Русскими оно слышится иногда въ искаженной формѣ *Чертолагая*⁴.

Часть весны и лѣта, какъ въ 1774, такъ и въ 1775 году, Державинъ жилъ въ колоніяхъ, особенно въ Шафгаузенѣ, и могъ въ это время, въ промежуткахъ между распоряженіями и разѣздами, находить досугъ для своихъ любимыхъ литературныхъ занятій. Познакомясь въ колоніяхъ съ нѣсколькими образованными Нѣмцами, онъ нашелъ у нихъ сочиненія короля Фридриха II въ нѣмецкомъ перевода и вздумалъ передать нѣкоторые изъ нихъ по-русски. Неискусный переводъ его отзывается иногда германізмами, по которымъ мы, еще не зная изданія, служившаго ему подлинникомъ, пытались установить фразы нѣмецкаго перевода (см. въ *Бібліогр. Зап.* 1859, № 16, статью нашу о Читалагайскихъ одахъ).

Впослѣдствіи догадки наши были вполнѣ оправданы книжкою, доставленною намъ г. профессоромъ Н. Н. Буличемъ. Это былъ ветхій экземпляръ «Vermischte Gedichte, Berlin, 1760», — перевода стихотвореній короля-поэта, изданныхъ имъ въ томъ же году подъ заглавіемъ: «Poésies diverses du philosophe de Sans-Souci»⁵. Эта книжка, купленная г. Буличемъ въ Казани на рынкѣ, быть можетъ, тотъ самый экземпляръ, который былъ въ рукахъ Державина: на заглавномъ листѣ написано стариннымъ почеркомъ имя *Карла Вильмсена*, съ которымъ Державинъ, какъ видно изъ его переписки, былъ знакомъ во время Пугачевщины.

Всѣхъ Читалагайскихъ одѣ восемь: первыя четыре, въ прозѣ, переведены изъ Фридриха II, остальныя — оригинальныя стихотворенія. Мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ находятся въ отдѣльномъ изданіи Державина. Изданіе это сдѣлано съ болышою небрежностью: нѣкоторые изъ опечатокъ искажаютъ даже смыслъ; онѣ исправлены нами по подлиннику. Читалагайскія оды, напечатанныя Державинымъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, всегда были очень рѣдки. Здѣшняя публичная библіотека своимъ экземпляромъ обязана Гельсінгфорскому университету, который самъ получилъ его изъ Россіи съ другими

⁴ По свидѣтельству П. П. Семенова, бывавшаго въ киргизскихъ степяхъ, татарское слово *чи* есть название высокой травы, въ родѣ камыша, изъ которой на Востокѣ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а *талағай* значить верхушка, голова. Это объясненіе весьма правдоподобно, потому что около горы, на болотной почвѣ, въ самомъ дѣлѣ растетъ въ изобилии такая трава.

⁵ Вотъ почему Остолововъ (*Ключъ*, стр. 13) говоритъ, что большая часть Читалагайскихъ одѣ переведена изъ книги *Безпечный философъ*.

пожертвованіями, сдѣланными въ пользу этого университета послѣ Абоскаго пожара, и уступилъ библіотекъ по просьбѣ ея начальства въ 1850-хъ годахъ. У Д. В. Полѣнова находится экземпляръ, принадлежавшій самому поэту и отмѣченный своеручными его поправками. Читалайскія оды не входили въ собраніе сочиненій Державина до 1845 г., когда онъ въ первый разъ перепечатаны въ изданіи книгопродаца Штукина, по указанію покойнаго Н. А. Полеваго; послѣ того онъ включены и въ Смирдинское изданіе Державина.

Въ этихъ одахъ, не смотря на все ихъ несовершенство, мы видимъ ступень къ будущему развитію поэта и любопытную страницу изъ первого периода его літературной жизни. Уже одно то, что молодой офицеръ, посреди всѣхъ тревогъ командировкіи, чувствуетъ охоту и находить досугъ продолжать свои литературныя занятія, есть явленіе очень замѣчательное для того времени. Недостатки и промахи Читалайскихъ одъ объясняются неблагопріятными для образованія условіями юности Державина; они выставляютъ еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ силу и смѣлость, съ какими онъ является послѣ, восторжествовавъ надъ всѣми препятствіями. Но въ тѣхъ Читалайскихъ одахъ, которыя писаны стихами, замѣтны уже проблески вдохновенія и таланта. Такого мнѣнія о нихъ былъ и современникъ нашего поэта, Дмитріевъ. Узнавъ, что у самого Державина не сохранилось экземпляра Читалайскихъ одъ, онъ предложилъ ему свои. Державинъ, по словамъ Остолопова, самъ сознавался, что эти оды «писаны весьма нечистымъ и неяснымъ слогомъ»⁶ *, и потому удивлялся, какъ можно придавать цѣну этимъ слабымъ опытамъ незрѣлаго таланта. «Я всегда любилъ эти оды» — замѣтилъ Дмитріевъ: «ты уже и въ нихъ карабкался на Парнасъ»⁷ **. Впослѣдствіи Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ такъ отозвался о книжкѣ Читалайскихъ одъ: «Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывалась замашка врожденного таланта и главныя свойства его: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ».

⁶ Ключъ, стр. 53.

⁷ Слышано отъ гр. Д. Н. Блудова и князя П. А. Вяземскаго.

IV. ОДА КЪ МОВТЕРПЮ⁵⁶

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОНЬ.

1.

О Мовтерпій, дражайшій Мовтерпій, какъ мала есть наша жизнъ! Цвѣтъ сей, сегодня блистающій, едва только успѣлъ расцвѣсть, завтра увядаетъ. Все проходитъ, все проходитъ строгою необходимостю неизбѣжимыя судьбины, и все уносится. Твои добродѣтели, твои великие таланты не могутъ дня одного получить отсрочки отъ времени.

2.

Лучшихъ дней моихъ нѣтъ; какъ шумящія волны, удовольствія мои улетѣли; никакая сила оныхъ не удерживаетъ, и я слѣдую уже стоическому поученію хладнаго моего разума. Между тѣмъ какъ я удручаюся, онъ восходитъ; настоящее летить, будущее неизвѣстно, а прошедшее менѣе какъ сонъ.

3.

Гордый смертный, ты, который толь суetenъ въ слабыхъ помышленіяхъ духа твоего! познай твою крушимую судьбину и умѣрь твою спѣсь; кратокъ есть конецъ и въ томъ предѣлъ твой: лишь только ты родился, уже рокъ дня того влечетъ тебя къ разрушающей ноши, гдѣ Мевій и Виргилій во множествѣ смѣшанны⁵⁷ и имѣютъ единственную участъ.

4.

Прельщеные ложнымъ блескомъ добра недостойнаго, дѣлающіе себѣ идола изъ металла бреннаго и переходящаго, къ чему вы его жалѣете? Видите, о смертные! на свѣтѣ семъ яко цвѣтъ сельный упадаетъ; такъ лучше пожалѣйте о своемъ заблужденіи! Ваши сокровища, ваши богатства послѣдуютъ ли за вами въ могилу вашу?

⁵⁶ Мопертюи (Maupertuis), которого Державинъ по незнанію французскаго языка называетъ неправильно, былъ знаменитый французскій математикъ (1698—1759), известный особенно по экспедиції (1736), отправленной подъ его начальствомъ въ Лапландію для измѣренія градусовъ и имѣвшей результатомъ точнѣшее опредѣленіе формы земли у полюсовъ. Авторъ оды, Фридрихъ II, вызвалъ его 1740 г. въ Берлинъ и впослѣдствіи доставилъ ему мѣсто президента тамошней академіи; Мопертюи вмѣстѣ съ Вольтеромъ принадлежалъ къ тѣсному кружку самыхъ близкихъ друзей короля. Въ «Ver-mischte Gedichte» ода IX: «An Maupertuis. Das Leben ist ein Traum».

⁵⁷ «Da sind die Mäve und Virgile unter der Menge vermischt und haben ein gleiches Schicksal».

5.

Какъ можно толикое множество суетныхъ предметовъ пожертвовать нашей жизни⁵⁸! Для чего такое великое пространство замысловъ пути столь ограниченному? Герои, готовящіе узы несчастливой вселенной! воззовите витязей, начертанныхъ въ лѣтописцахъ: достигаете ли всѣхъ оныхъ вы славы?

6.

Пусть подсолнечная дѣлами вашими придетъ во изступленіе, пусть тріумфы ваши превознесутъ вась въ сань монарха, но миръ окончить брани; вы будете жертва смерти, и едва только выговорится о вась одно слово, уже все загладится рушащими вѣками. Человѣкъ умреть и героя позабудуть.

7.

Какое множество было мужей великихъ, и время еще усугубить оныхъ. Станьте съ ними рядомъ, но тѣнь ихъ помрачить вась. Ежели ваше невѣждественное бѣшенство почитало славолюбіе за истинную славу, то, ахъ! какая будетъ судьба ваша? Часто свірѣствующій кровопивецъ думаетъ въ то время прославляться дѣлами своими, когда свѣтъ весь наполненъ къ нему омерзѣнія.

8.

Сколько прошло вѣковъ, какъ щедродарная десница мятежныя устроила стихіи, и изъ Хаоса сотворила свѣтъ. Время все захватываетъ въ свое владычество, такъ что настоящее бѣжитъ, а будущее скоропостижно ему же послѣдуетъ. Человѣкъ! область дней твоихъ — въ вѣчности точка: быть одну минуту, сіе называется жить.

9.

Когда бы люди по крайней мѣрѣ двойственное число дней своихъ жить могли, то бы можно было иногда поласкать ихъ гордости. Смертные! дерзкія желанія ваши возносятъ вась сравняться богамъ, но что вы? — вы рождены пресмыкатися въ пыли, жить и умереть. Это вы, которые существуете на то, чтобы исчезнуть, — это вы стараетесь о славѣ?

⁵⁸ «Wie kann man sein Schicksal so vielen eitlen Gegenstnden aufopfern»!

10.

Для чего искать счастія? Для чего бояться ударовъ неба? Доброе есть пріятный, а злое худой сонъ. Всѣ сіи случаи для того, кому бытіе наше извѣстно⁵⁹, суть предметы равнодушные. Прочь, печали, уг҃хи, и вы, любовныя восхищенія! я вижу нить дней моихъ въ рукахъ уже смерти.

11.

Имѣнія, достоинства, чести, власти, вы обманчивы и яко дымъ. Отъ единаго взгляда истины исчезаетъ весь блескъ проходящей красоты вашей. Нѣть на свѣтѣ ничего надежнаго, даже и самыя наивеличайшія царства суть игралище непостоянства.

12.

Познаемъ слѣпоту нашу, предразсужденія наши и наши слабости: тогда все кажущееся великимъ будетъ куча бездѣлицъ. Вознесемся на небеса и ниспустимъ отъ величественной высоты оной взоръ свой на Парижъ, на Пекинъ и на Римъ: то въ отдаленности всѣ сіи великолѣпія исчезнутъ. Вся земля уподобится точкѣ; что же будетъ человѣкъ?

13.

Наполнены суетности, носимся мы между прошедшою и будущею бездною вѣковъ, которые бѣгутъ непрестанно. Всегда упражнены ничѣмъ⁶⁰, яко дѣйствительные Танталы ложнаго блага, погружены въ обавающей сонъ, терзаемся непрестанно хотѣніемъ и теряемся въ ничтожествѣ! Сей есть предѣлъ нашей жизни⁶¹.

⁵⁹ ... «der unsere Dauer kennt».

⁶⁰ «Immer mit einem Nichts beschäftigt (toujours occupés par des riens)».

⁶¹ «Dies ist die Bestimmung unsers Lebens».